городов в ахейской Элладе изучаемого времени отражена в «Каталоге кораблей» (стр. 117). О структуре ахейского города XVI—XIII вв. до н. э., по мнению автора монографии, наиболее полное представление дают раскопки Микен (стр. 117). Остальная большая часть главы о деревне и городе ахейских греков посвящена, как уже упоминалось выше, подробному археологическому описанию пилосского дворца (стр. 121—146). Отмечается единство архитектурной традиции дворцовых ансамблей Мессении, Арголиды, Беотии, Фессалии. Отмечен сложный характер царского хозяйства. Упомянуты находки в пилосском дворце большого количества надписей, написанных линейным письмом В. Но даже и здесь они фактически не использованы и даже сам пилосский владыка назван басилеем, а не «ванакой», как его называют пилосские надписи.

На протяжении всей монографии социально-экономическое, политическое и идеологическое развитие ахейского общества прослеживается только на основе большого, тщательно описанного и разобранного археологического материала и, по мере возможности, сопоставленного с эпосом. Исследование комплексов археологических памятников во всех случаях завершается серьезно обоснованными, вытекающими из проделанного разбора выводами. Впервые в советской историографии исследована история юга Балканского полуострова от палеолита до падения ахейских государств. Надо еще раз отметить, что немые археологические источники, конечно, являются главными и основными при разработке такой темы. Однако все же неоправданной является недооценка письменных источников, табличек с надписями линейным письмом В. Конечно, этот источник относится только к позднеэлладскому периоду. Но и в позднеэлладском периоде он почти не использован. На это обстоятельство мы обращаем внимание еще потому, что эпос, дошедший до нас в записях гораздо более позднего времени и не являющийся стро-

го документальным материалом, явно предпочитается автором монографии документальным пилосским и микенским надписям — современникам событий. На наш взгляд, спорна и аналогия ахейского общества со скифским середины I тыс. до н. э. и подобными ему, высказанная Т. В. Блаватской в последней, пятой главе. Исследование содержания пилосских и микенских надписей помогло бы уточнить характеристику ахейского общества и государства. Но поскольку основным источником рецензируемой монографии является археология, то следует вспомнить, что у скифов не было чего-либо, напоминающего ахейские дворцы, не было и своей письменности. И еще одно замечание. На наш взгляд, в монографии недостаточно уделено внимания внешним связям и влияниям, отчего создается впечатление о некоторой обособленности развития ахейской Греции.

Однако эти замечания ни в коей мере не влияют на высокую в целом оценку монографии, являющейся бесспорным достижением советской исторической науки по истории древнейшей Греции, периоду еще недостаточно изученному и по состоянию источников допускающему сосуществование различных точек зрения по целому ряду вопросов. Рецензируемый труд заполняет весьма существенный пробел, существовавший до сих пор в нашей исторической научной литературе. В монографии на обильном археологическом материале, частично сопоставленном с другими источниками, убедительно показано постепенное разложение первобытнообщинного строя на юге Балканского полуострова и возникновение и развитие раннеабовладельческих отношений и раннеабовладельческих ахейских государств. Таким образом, Т. В. Блаватская выполнила сформулированную ею во введении (стр. 15) трудную задачу: она весьма основательно «наметила контуры происшедшего тогда исторического процесса».

Н. Н. Пикус

«История Византии», т. I, М., Изд-во «Наука», 1967, 523 стр., тираж 16 300, цена 2 р. 50 к.

Первый том трехтомной «Истории Византии», написанный коллективом наших ведущих, а также молодых, но уже известных своими исследованиями специалистов по истории Восточной Римской империи IV—VII вв. (З. В. Удальцова, М. Я. Сюзюмов, Г. Л. Курбатов, Е. Э. Липшиц, К. В. Хвостова, Р. А. Наследова, С. С. Аверинцев, Е. Э. Гранстрем,

А. В. Банк), представляет значительное явление в советской историографии. Он подводит некоторые итоги многолетним исследованиям и движениям советского византиповедения и, что всегда неизбежно связано с подведением итогов, выявляет круг проблем, спорных и подлежащих дальнейшему обсуждению. В последнем смысле он особенно ценен для историков

профессионалов. Но вместе с тем живость изложения, яркость характеристик, обилие фактического материала, многочисленные иллюстрации делают его интересным и для широких читательских масс.

Том содержит 20 глав: Источники по истории Византии IV — первой половины VII в.; Образование Византии, природные условия и население; Аграрный строй Византии IV—V вв.; Города, ремесло и торговля IV—V вв.; Константинополь и провинции; Социально-политический строй и административная организация Империи в IV—V вв.; Христианская церковь в IV—VI вв.; Внутреннее и внешнее положение византийского государства в IV в.; Внутренняя и внешняя политика Византии и народное движение во второй половине V в.; Социально-экономическая и административная политика Юстиниана; Законодательные реформы Юстиниана; Церковная политика Юстиниана, народно-еретические движения в Империи; Народные движения при Юстиниане, восстание Ника; Внешняя политика Юстиниана, попытки реставрации Империи на Западе, войны с Ираном, византийская дипломатия; Вторжения славян и их расселение на территории Византийской империи; Внутреннее и внешнее положение Империи во второй половине VI—VII вв.; Византийская наука и просвещение в IV—VII вв.; Неоплатоническая философия IV—VI вв.; Византийская литература IV—VII вв.; Византийское искусство IV—VII вв. Как видно даже из приведенного перечня глав, наиболее характерные, отличительные черты тома, это — стремление авторов органически связывать эволюцию социально-экономических отношений с политическим строем, внутренней и внешней политикой правительства, религиозной и культурной жизнью, а также исключительное внимание к народным движениям, их роли в истории рассматриваемого периода, во внутрицерковной борьбе и борьбе различных группировок господствующего класса. Такой же упор на значение народных элементов, противостоящих элементам аристократическим, делается и в главах по истории культуры. Таким образом, марксистское понимание роли народных масс в ходе исторического процесса во всех его аспектах убедительно противопоставляется буржуазным теориям, видящим единственную движущую силу в истории и особенно в истории культуры лишь в социальной и культурной «элите».

Хронологические рамки тома определяются точкой зрения авторов на IV—VII века как на последний этап существования рабовладельческой формации на территории Восточной Римской империи. Зарождавшиеся там элементы феодализации, по их мнению, возобладали лишь после глубоких политических измене-

ний второй половины VII в. — после отпадения областей, завоеванных арабами, персами, славянами, аварами; разрушения в результате войн большинства старых городов и крупных рабовладельческих имений, земли которых перешли к свободным крестьянским общинам; перехода политической власти в руки феодализирующейся знати и известной децентрализации государственного управления. Тогда, к концу VII — началу VIII в., Византия из рабовладельческой империи превращается в «средневековое, все более феодализирующееся государство», вступает в «новый, феодальный период своего развития», т. е., хотя и при значительных отличиях, начинает следовать по пути, на который несколькими веками раньше вступила западная половина Империи (стр. 374, 376—378). И здесь авторы тома, естественно, сталкиваются с одной из самых важных и вместе с тем самых спорных проблем всемирной истории: чем объясняется разница судеб Западной и Восточной Римской империи? Проблема эта имеет большое теоретическое значение для суждения об общих и частных закономерностях перехода от одной социально-экономической формации к другой, поскольку переход от рабовладельческого к феодальному способу производства должен иметь как какие-то общие с историей других формаций, так и свои особые закономерности. Выявление и объяснение тех и других — благодарная задача для всякого марксиста, работающего в области философии истории. Важна указанная проблема и для разрешения извечного спора между сторонниками концепции коренного различия между ходом развития «запада» и «востока» и сторонниками точки зрения на исторический процесс, как на всемирный, с общими для всего человечества этапами (хотя отдельные общества проходят их по-разному, в разное время, со своими обусловленными множеством конкретных причин отличительными особенностями). Все эти вопросы в последнее время приобрели особую актуальность в Западной Европе и Америке в связи с вновь разгоревшимся старым спором о месте Византии среди других обществ или цивилизаций соответственно о соотношении Византии и многое заимствовавшей у нее Руси, с античной и западноевропейской цивилизациями.

Авторы рецензируемого тома, считая, что с VIII в. Византия вступила в эпоху феодализма, аналогичного западному и обусловленному теми же процессами — внутренней эволюцией общества и вторжениями племен и народов, принесших с собой общину и свободное крестьянское производство, подчеркивают, что устойчивость рабовладельческих отношений и централизованной монархии в восточной половине Империи обуславливалась особенностями социально-экономической

структуры последней. Эти особенности заключались в менее интенсивном развитии рабства и искомных, более мягких формах эксплуатации рабов, сидящих на земле; значительной роли свободного труда, в частности, труда составлявших основную массу земледельческого населения колоннов и свободных крестьян, часто живших общинами, что тормозило их закрепощение (стр. 78—95); в преобладании свободного труда в ремесле, что несколько нейтрализовало действие кризиса рабовладельческого способа производства, сделало ремесло устойчивым и дало возможность ряду областей экономики развиваться далее (стр. 112, 211, 222); в устойчивости торговли, а следовательно, и товарно-денежных отношений, и бывших средоточием этих отношений городов, во многом еще сохранявших характер античных рабовладельческих полисов (стр. 101—105, 111—117); в силе и жизнеспособности муниципальной знати и торгово-ремесленных слоев, а отчасти и городского плебса, на которые императоры могли опираться в борьбе как с варварскими вторжениями, так и с децентрализаторскими стремлениями земельных магнатов (стр. 136, 185, 201). Именно сила городских слоев предотвратила распад Империи в V в. (стр. 200—203). Опираясь на эти слои, византийские императоры успешно приспособили зарождавшиеся отношения, предвосхищавшие феодальные, к старым рабовладельческим нормам (стр. 218), а в VI в., в правление Юстиниана, при их поддержке оказалось возможным предпринять грандиозную попытку реставрации античного рабовладельческого общества не только в Восточной, но и в бывшей Западной Римской империи.

Взаимоотношения городских слоев и крупных землевладельцев, то борющихся между собой, то на короткое время, по тем или иным причинам, объединявшихся и использовавших народные движения для достижения своих целей, авторы придают очень большое значение, говоря как о положении в различных районах Империи и политике императоров относительно этих районов, так и о подоплеке внутрицерковных распрей и обо всей культурной жизни Византии, определявшейся, с одной стороны, противоречием между античным, языческим и новым, христианским началом, а с другой, — их взаимовлиянием, взаимопроникновением. Так, например, в политике Юстиниана прослеживается стремление укрепить в интересах курiales рабовладельческие отношения, приблизить положение колоннов к положению рабов и вместе с тем тенденции оформить те реальные изменения, которые приводили к усилению связи между посаженными на землю рабами и колоннами и их земельными наделами и пекулиями. Под тем же углом зрения характеризуется и

законодательная деятельность Юстиниана, сочетавшего в праве старые рабовладельческие нормы с требованиями новых отношений (стр. 266). Однако, несмотря на уступки новому, главной задачей Юстиниана, как и его ближайших предшественников и преемников, было именно сохранение старого, попытки спасти античный рабовладельческий строй, который спасти было уже невозможно. В противоположность западной половине Империи, Восток «судорожно цеплялся за старое: рабовладельческий муниципий по-прежнему оставался важной экономической ячейкой общества, а крестьянин... бесправным подданным и налогоплательщиком... Проблема, разрешившаяся на Западе благодаря варварскому вторжению и коренной ломке государственного аппарата, еще стояла перед Восточной империей». К развалу Империи в конце VII в. привела неудача рабовладельческой реакции Юстиниана и попыток его преемников провести реформы, отвечающие интересам феодализирующей знати. Прежде подавленные революционные силы — народные движения и варварские завоевания — оказались раскованными и обусловили, как за три века до того на Западе, феодализацию общества (стр. 362, 366 сл.).

Концепция авторов рецензируемого тома отличается стройностью и подкреплена богатым фактическим материалом, однако далеко не все представляется в ней бесспорным и в ходе аргументации замечаются известные противоречия. Неоднократно повторяемый тезис о рабовладельческом характере Византийской империи в рассматриваемый период основывается на данных о значительном числе рабов в селах и городах; на сохранении (несмотря на некоторые фактические изменения в положении рабов) старых римских норм, резко разделяющих рабов и свободных, — норм, повлиявших и на отношение к рабам христианской церкви, вступившей в союз с рабовладельческим государством. Отсюда делается и вывод о характере городов Восточной империи как античных рабовладельческих полисов и соответственно о социальном облике муниципальной знати, курiales, остававшихся земле- и рабовладельцами.

Первая, исходная часть аргументации может вызвать ряд возражений. Само по себе количество рабов и отношение к ним права и религии еще ничего не доказывает. Достаточно известно, что и на Западе во времена раннего средневековья, а кое-где и значительно позже, число рабов было весьма значительным и, по известному замечанию Ф. Энгельса, сохранение рабовладельческих правовых норм помогло помещикам укрепить свою власть и над другими категориями зависимых людей. По-видимому, рабовладельческим можно признать не всякое общество, в котором примечается труд того или иного

числа рабов (так же как распространение наемного труда еще не делает общество капиталистическим), а лишь такое общество, самое существование которого немислимо без эксплуатации рабов. Таким был классический античный полис, где принцип единства понятий «гражданин» и «земледелец», отмена любых форм порабощения и закабаления сограждан и отмеченное уже в законах XII таблиц запрещение персональных привилегий оставляли только один путь эксплуатации чужого труда в сколько-нибудь широких масштабах, а именно: эксплуатацию рабов, стоявших вне каких бы то ни было институтов и юридических норм полиса и подчиняющихся только своему владельцу. Когда с началом Империи правительством начинает чем далее, тем более вмешиваться в отношения прежде абсолютно замкнутого мирка фамилии, классическому рабовладению наносится первый удар — рабы становятся в какой-то постоянно возрастающей мере не только собственностью господина, но и, пусть занимающими самое низкое место в сословной иерархии, подданными государства. Однако связь эта осуществлялась как бы через голову полиса, внутри которого рабы занимают свое прежнее место. И пока господствующим, развивающимся ингредиентом империи остается полис, основанный хотя бы и на значительно модифицировавшейся античной форме собственности, закономерно считать империю рабовладельческой, хотя античная форма и сосуществовала с иными, в ряде районов представлявшими ведущий уклад формации.

Но можно ли безоговорочно считать города ранней Византии полисами, базировавшимися на античной форме собственности? Положение это не представляется доказанным достаточно убедительно. Тот факт, что города составляли одно целое со своей округой, хорой (стр. 102), еще таким доказательством служить не может, поскольку в аналогичном положении находились многие средневековые городские республики. К тому же, судя по приводимым в самом томе фактам, хорошо известным также из Либания, значительная часть принадлежавшей городским собственникам территории возделывалась колонатами, которые — в отличие от классических норм — гражданами (или во всяком случае, полноправными гражданами) городов не были. Не были таковыми и крестьяне, поскольку, начиная с Константина, различие между сельским и городским плебсом проводится достаточно четко, тогда как в античном полисе всякий уроженец городской территории был гражданином, равным всем прочим, независимо от места жительства и занятий. Далее, как мы узнаем, богатые муниципалы стремились выделить свои земли из городской территории (стр. 102); земельная собственность городов (т. е.

те владения коллектива сограждан, в которых находил свое выражение общественный аспект античной формы собственности, делавший полис своего рода общиной) почти сошла на нет в результате конфискаций IV в. (стр. 110); в IV—V вв. сословие куриалов разлагается и власть переходит к торгово-ростовщической верхушке (стр. 124), т. е. города становятся уже не организациями земельных собственников, но торгово-ремесленными центрами; Юстиниан оформил в праве уже издавна шедшие процессы унификации всех видов собственности, уничтожив пережитки многообразия древней римской собственности (стр. 255), и отменил старые градации прав разных групп населения в зависимости от их гражданского статуса, заменив их отличиями по этническому и сословно-классовому признакам (стр. 326). Сюда же следует добавить и признак вероисповедания, поскольку лица, принадлежавшие к государственной церкви, пользовались рядом привилегий по сравнению с иноверцами. Все эти моменты опять-таки совершенно не вяжутся с представлением о ведущей роли в империи муниципальной организации, предполагавшей деление населения и соответственно собственности на многие ступени в зависимости от гражданского статуса, дававшего те или иные права собственности, или владения на той или иной территории и исключавшей этнический и религиозный момент, который имел, напротив, столь капитальное значение в городах средневековых. Наконец, с тезисом о рабовладельческом античном городе, определявшем рабовладельческий характер Византии IV—VII вв., расходится утверждение, что «вышедшая из кризиса III века Римская империя была уже не столько объединением полисов, сколько государством крупных земельных собственников. Наиболее жизнеспособным оказались те города — а их было немало, — которые являлись средоточием товарного производства» (стр. 103).

Но если столь многое говорит против того, что ранневизантийские города оставались античными рабовладельческими полисами, если они превратились в торгово-ремесленные центры, то ставится под большое сомнение и самый характер Византии того времени как рабовладельческого общества и государства, так как владельцы крупных экзимирированных салтусов служили социальной базой такого общества и государства никоим образом не могли. И дело тут опять-таки не в количестве рабов в их имениях и не в степени сближения положения колонов с положением рабов — ведь немало черт сближает позднеримских колонов и рабов с крепостными и дворовыми ряда феодальных государств, — а в том, что эти земельные магнаты не были связаны с той полисной античной формой собственности, которая делала неизбежной классическую форму

рабовладельческого способа производства. Направляется мысль, что городские слои, служившие императорам опорой против земельных магнатов и варваров, не рабовладельцы античного типа, а социальная группа иной природы, отсутствовавшая на Западе, но сохранившаяся или сложившаяся на Востоке в силу особых условий — развития внешней торговли, устойчивости ремесла и товарно-денежных отношений и т. п.

Иную интерпретацию может получить и принята авторами точка зрения, согласно которой восточная половина Империи потому менее западной была задета кризисом рабовладельческого способа производства, что рабский труд играл в ней меньшую роль и рабство могло просуществовать дольше. По-видимому, здесь следует учитывать самый характер распространения рабовладельческих отношений на западе и на востоке Империи. Подавляющее большинство западных провинций вошло в состав Империи в период их перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, которое под влиянием Рима, а также других, еще недостаточно изученных причин стало обществом античного типа, хотя и с более или менее значительными пережитками прежних форм, продолжавших существовать и развиваться в тесном взаимодействии с античными. Последние получили абсолютное преобладание, почему их кризис приобрел характер кризиса всего общества, как бы вернувшегося к первоначальному состоянию, из которого развиваются феодальные отношения. На Востоке классовое общество и государство к моменту римского завоевания существовало уже много веков, выработав отношения, во многом отличные от античных, — крупная земельная собственность, формы эксплуатации зависимых земледельцев, крестьянские общины разного статуса, городские ремесло и торговли с их организацией, характер взаимоотношения всех этих слоев с центральным правительством и т. п. Античные порядки, влияя на все эти отношения, не могли разложить их в той степени, в какой могли разложить уже подходивший к своему концу первобытнообщинный строй западных областей, как не могла греко-римская культура вытеснить культуры восточных провинций. С кризисом античного мира сохранившиеся там отношения начинают выступать на поверхность и преобладать, что и сказалось в так называемой «орнентализации Империи», состоявшей не только и не столько в лежащих на поверхности изменениях государственного строя и культуры, но в глубинных изменениях социально-экономических основ. И здесь оживает отчасти старое, но гораздо более устойчивое и жизнеспособное, чем на Западе, почему кризис и проявляется менее остро. Но для того, чтобы

охарактеризовать эти древние основы, следует более подробно и четко разобраться в их генезисе и истории на протяжении предшествующих столетий. Задача эта несколько затруднялась стремлением исследователей непременно находить в древности всюду рабовладельческие отношения в их классической греко-римской форме, исходя не столько из всестороннего анализа общественного строя как целого, сколько из предполагаемой численности рабов и данных об их тяжелом положении. Думается, что намечившийся в последнее время в этом смысле поворот, отразившийся и в теоретических исследованиях различных форм зависимости в древности и в конкретном изучении рабства, земледельческого населения, общин на эллинистическом и римском Востоке, будет способствовать и разрешению вопроса о формационной принадлежности ранневизантийского общества, о сочетании там древнейших, античных и новых элементов, о характере и особенностях перехода этого общества к феодальной формации.

Соотношение и взаимовлияние упомянутых элементов особенно удачно показано в рецензируемом томе в главах, посвященных культурной и религиозной жизни Византии, что особенно ценно с точки зрения упоминавшихся выше споров о сущности византийской цивилизации. Общее впечатление, правда, несколько снижается кое-где проскальзывающим отношением к христианству только как к религии эксплуататоров, способной более эффективно, чем язычество, укреплять власть рабовладельцев над рабами и подчинявшейся в своем развитии почти исключительно политическим соображениям и интересам различных группировок правящего класса, широко использовавшего социальную демагогию христианских проповедников (стр. 163, 167, 169).

Вряд ли такая упрощенная точка зрения на христианство даже той эпохи, когда оно стало государственной религией, может быть принята. Она лишь констатирует тот факт, что сильная монархическая власть нуждалась в идеологии, которая освящала бы ее и весь возглавлявшийся ею строй, и что при таких обстоятельствах политическая борьба неизбежно становилась борьбой против официальной идеологии. Но она не поясняет, как и почему именно христианство, начавшее с последовательного отрицания всей римской системы ценностей, стало официальной идеологией Поздней Римской империи, по мнению авторов, оставшейся рабовладельческим государством, каким было вначале. Не разъясненной остается и жизненная сила христианства, его все растущая популярность в широких народных массах, несмотря на то, что оно как будто призывало к покорно-

сти и терпению, в то время как протест масс против угнетения становился все более острым. Неясно, наконец, как сочеталась социальная демагогия, обличение богатых и власть имущих с задачей укрепления существующего строя. Видимо, здесь имел место сложный процесс, известную аналогию которому можно найти в первые века Империи. Тогда ораторы и философы нередко использовали в своих речах и сочинениях, направленных против богачей, близкие народу выступления популяров конца Республики, что, однако, не вызывало недовольства императорской цензуры, часто уничтожавшей произведения, казавшиеся опасными. Август и его преемники, терпя и даже поощряя инвективы против пороков вышних, могли выступать как продолжатели популяров, как верховные защитники интересов народа, осуществившие его чаяния и принесшие ему золотой век. Но революционная сущность и значимость речей ораторов времен Республики теперь нейтрализовалась: если тогда пороки отдельных лиц и социальных групп связывали с пороками существующего строя и призывали к его изменению или свержению, то при Империи насилия и гнусности тех или иных богачей, аристократов, правителей трактовались как частный случай, не бросающий тень на Империю в целом. В конце концов, соответственные мотивы превратились в риторические упражнения, уже не производившие впечатления на слушателей и читателей, и массы обратились к христианству, наиболее полно и в наиболее адекватной по тому времени форме отразившему их протест против существующих отношений. Когда христианство стало государственной религией, оно не могло отказаться и не отказалось от составлявшей его ядро идеологии угнетенных. Но последняя коренным образом отличалась от активной, революционной идеологии времен гражданских войн и с самого начала не требовала переустройства социального и политического строя. От нее христианство последующих веков сохранило и отвращение от внешнего мира, и переосмысление всех его отношений под углом зрения своих, новых ценностей, и осуждение греховности тех, кто привержен земным, а не духовным благам, словом, все, что

на этом этапе обеспечило ему победу в народе, чьему мировоззрению оно наиболее полно отвечало. Кроме того, впитывая различные течения и влияния, идеи, распространенные в других общественных слоях, оно все более усложнялось, модифицировалось, разветвлялось на разные направления. И именно учитывая особенности идеологии пизов последних веков Империи, а также, вероятно, и многих веков эпохи феодализма, и сложность самого христианства и его развития, нельзя говорить о прямом и сознательном использовании его для духовного подавления масс. Иначе делаются непонятны не только окончательная победа христианства над всеми иными религиозными и философскими течениями, но и то обстоятельство, что рождающаяся христианская культура становится, в противоположность умирающему язычеству, подлинно народной культурой.

Последнее очень ярко проиллюстрировано в главах, посвященных неоплатонической философии, литературе, искусству. Авторы этих глав, преодолев традиционное представление, будто христианство ответственно за гибель жизнеутверждающей античной культуры, наглядно показали результат многовековой эволюции последней. Крайнее сужение ее социальной базы, ограниченной уходящими в прошлое общественными слоями, обусловило ее реакционность, оторванность от народа, бесперспективность, вырождение. Напротив, христианская культура, заимствуя и перерабатывая античное наследие, создавала новые, близкие и понятные массам формы, соответствовавшие и новому, отвечающему требованиям времени содержанию. Начало византийского средневековья предстает здесь не как «темные века» упадка, а как период напряженного творчества, лежащего в основе дальнейшего прогресса.

Как мы видим, несмотря на спорность некоторых положений (это не недостаток, а напротив, достоинство всякого труда, рассчитанного на мыслящего читателя) первый том «Истории Византии» представляет собой капитальное исследование, содержащее много нового и ставящее важнейшие проблемы, обсуждение которых сулит плодотворную дискуссию.

Е. М. Штаерман

FIORELLA IMPARATI. I Hurriti, Firenze, 1964, 175 стр., 13 табл.

Детальное изучение древневосточных письменных памятников из Богазкёя, Мари, Алалаха, Нузи, Аррапхи, Угарита дало возможность выявить не только отдельные важные моменты истории, религии и культуры хурритов — одного из крупных этнических образований древней Передней Азии, — но и ряд черт хур-

ритского языка, главным образом, его морфологии и лексикологии. Вместе с этим, археологические раскопки, проведенные в Северной Месопотамии, Северной Сирии, а также в Закавказье, по-новому поставили вопросы культурных, этнических и экономических взаимоотношений указанных выше областей, обога-